
ИССЛЕДОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ ПОЗИТИВИЗМА, СУБЪЕКТИВИЗМА, ПОСТМОДЕРНИЗМА И ТЕОРИИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

М.С.Добрякова

(Москва)

В статье анализируется различное восприятие локального сообщества как объекта исследования с позиций позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации. Предпринимается попытка обосновать утверждение о том, что критическое восприятие исследования зависит от методологического контекста, современного исследованию. Анализ выполнен на основании исследований социальной стратификации в рамках локального сообщества.¹

Ключевые слова: локальное сообщество, методология, позитивизм, субъективизм, постмодернизм, глобальное, локальное, социальная стратификация.

В 1920-е гг. в США начали проводиться так называемые community studies – исследования малых городов, или локальных сообществ. Исследователи выбирали небольшой, предположительно типичный, городок и изучали различные стороны его жизни с целью проецирования внутригородских структур и процессов на макросоциальный, общенациональный уровень. Ллойд Уорнер, являющийся, пожалуй, наиболее заметной фигурой среди социологов, занимавшихся такими исследованиями, сформулировал

¹ Рассматриваются только американские работы, поскольку критического материала о других исследованиях локальных сообществ недостаточно для проведения параллелей.

свою позицию следующим образом: “В своем исследовании я обратился к локальному сообществу как к микрокосму, представляющему все американское сообщество” [26, р. 273].

Наиболее известные исследования, выполненные в этом ключе, таковы: проект Ллойда Уорнера “Янки-сити”, включающий работы “Социальная жизнь современного сообщества”, “Статусная система современного сообщества”, “Социальные системы американских этнических групп”; “Демократия в Джонсвилле”; “Южная глубинка: социально-антропологическое исследование касты и класса”, выполненное Элисон Дейвис, Берли Б.Гарднером и Мэри Р.Гарднер по проекту Уорнера; “Миддлтаун: исследование современной американской культуры”, “Миддлтаун во времена перемен: исследование культурных конфликтов” Роберта С. Линда и Хелен М.Линд; “Плейнвилль, США” Джеймса Уэста и другие [8, 16, 17, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 40].

Понятие локального сообщества, имплицитное в рассматриваемых исследованиях, не вписывается в дихотомию *Gemeinschaft/Gesellschaft*. Особенность этого понятия здесь состоит в том, что, в отличие от общины/*Gemeinschaft* (понимаемой, прежде всего, как особый тип связей), локальное сообщество *не является предметом* исследований и в качестве такового не имеет под собой никакой теории. О нем нельзя говорить как, например, о семье, стратификации, религии и т.д. Подобную непредметную сущность описываемых исследований отражает и их некумулятивный характер: по словам Колин Белл и Говарда Ньюби, эти исследования, “хотя и ... внесли значительный вклад в социологию, тем не менее, они едва ли оказались полезными друг для друга” [3, р. 3].

Точнее было бы говорить о локальном сообществе как об особом выборе и статусе объекта исследования. Как пишет Маргарет Стейси, социальные связи в малом городе изучаются не только относительно друг друга, но и раскладываются по осям времени и пространства [27, р. 18]. Особенность подхода состоит

в том, что локальное сообщество используется в качестве места для обнаружения, изучения и проверки различных гипотез. В его основе лежит логика исследования социальных явлений в естественных для них условиях, во всей полноте их связей. Здесь сочетаются ролевая, структурная и культурная теории [27, р. 24].

Подобный взгляд на социальную субстанцию как на совокупность взаимозависимых частей свойственен функционализму. В целом, можно сказать, что именно функционалистская парадигма послужила основанием исследований локальных сообществ. Однако функционализм последних несколько отличен от понятия функционализма, принятого в традиционной социологии.

В социологии в целом и в социальной антропологии функция обычая или института рассматривается с точки зрения ее полезности для поддержания общества или ее вклада в течение эмоций, чувств, потребностей составляющих общество индивидов. В теории структурного функционализма функция “служит” обществу с положительным или отрицательным эффектом. В исследованиях же локальных сообществ принят системный подход, и, как пишут Конрад Аренсберг и Солон Кимбалл, функция рассматривается как взаимозависимость в контексте целого; она может быть полезной, но главная ее черта – осуществление связи [2, р. 337-338]. Согласно определению К.Аренсберга и С.Кимбалла, это подход, в котором “проблема..., связи или динамика поведения и отношений исследуется на фоне или в рамках поведения и отношений других индивидов сообщества. Это натуралистический, сравнительный метод. Его цель – изучать поведение и отношения как объекты *in vivo* посредством наблюдения, а не *in vitro* посредством изолирования и абстрагирования” [2, р. 342]. Встраивая данный подход к исследованию социальных явлений и процессов в более широкий методологический контекст, следует также отметить, что это разновидность этнографического исследования.

Рассмотрим исследования локальных сообществ в рамках различных парадигм.

Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма

Поскольку в своей обыденной жизни люди, как правило, занимаются не наукой, а вполне конкретными и практическими занятиями, их дескриптивный аппарат не отлажен для служения научным интересам. Порою он логически рассогласован, неточен, многозначен. Наука же, с позиций позитивизма, призвана обеспечивать общество более аккуратной информацией [25, р. 5].

В своей работе о развернутом монографическом методе американский социолог Майкл Буравой цитирует приведенные Дж.Катцем принципы позитивистской науки, которые в качестве методологии не соблюдает этнография (а, следовательно, на уровне эмпирии – и исследования локальных сообществ): (1) в “жесткой” науке считается, что реактив, оказывающий воздействие на исследователя, нарушает чистоту эксперимента: исследователь должен быть отстранен от всякого влияния со стороны участников эксперимента; (2) “жестких” данных может быть немного, но они надежны; (3) истинно научное исследование должно быть воспроизводимо вне зависимости от контекста; (4) в позитивистском исследовании должно быть достаточно данных для обеспечения его репрезентативности [1, с. 156]. В “мягкой” же науке (1) респондент, вступая в контакт с исследователем, оказывает на него влияние; (2) в ходе исследования собирается масса данных, но убедиться в их достоверности порою затруднительно; (3) предметы “мягких” исследований единичны и уникальны; (4) исследований локальных сообществ слишком мало для обобщения результатов. Отвечают ли исследования локальных сообществ принципам позитивистского исследования?

1. В позитивистской науке *исследователь*, в целях сохранения объективности своей позиции, *не должен подвергаться влиянию со стороны респондента*. Из этого положения вытекает, что позиция исследователя научно объективна, в то время как

респондент представляет искаженную картину, ибо он ставит себя в ее центр. Был ли соблюден этот принцип в исследованиях локальных сообществ? Обратимся к проекту “Янки-сити”.

Основная задача, которую ставил перед собой Уорнер, – описать социальную структуру современного сообщества, состоящую, предположительно, из иерархически расположенных статусных групп. В целом, в течение всех, более чем 25 лет исследований (1930-50-е гг.; Янки-сити – 17 тыс. жителей), Уорнер использовал две методики построения системы социальной стратификации сообщества: метод участвующего оценивания и метод индексации статусных характеристик. Метод участвующего оценивания играл главенствующую роль и имел пять взаимодополняющих составляющих методик: сопоставление высказываний респондентов; символическое оценивание (анализ основанных на здравом смысле, не высказываемых вслух оценочных мнений, которые, тем не менее, постоянно используются жителями сообщества); оценивание статуса индивида (респонденты описывают и оценивают действия своих соседей как соответствующие тому или иному социальному статусу); сравнение (исследователь размещает индивидов в слоевой структуре относительно друг друга, основываясь на их собственных оценках) и простое размещение (респонденты говорят, к какому слою они относят того или иного индивида; этот метод можно использовать, только когда информант уже определил систему стратификации, на основании которой он выводит свои заключения). Все эти частные методики основываются на пространном интервью с жителями изучаемых сообществ, такие интервью являются источником первичных материалов для исследования. На основании этих методик Уорнер выводил на более абстрактный уровень явные и скрытые оценки социальных статусов жителей сообщества, а затем и описание всей слоевой структуры сообщества.

Второй метод – метод индексации статусных характеристик – подразумевает количественную оценку социально-экономического

статуса индивида. Здесь учитывается род занятий респондента, источник дохода, тип жилья и район проживания. Этот метод не использовался самостоятельно и играл второстепенную роль, уступая первенство методу участвующего оценивания.

В результате Уорнер выделяет шесть слоев, существующих, как показали его исследования, с известными вариациями во всех американских сообществах-городах: два высших (высший-высший и низший-высший), два средних и два низших. Таким образом, критерии выделения слоев в работах Уорнера основываются прежде всего (точнее сказать, всецело) на суждениях самих жителей города.

По проекту Уорнера было проведено по второй половине 1930-х гг. и исследование Э.Дейвис, Б.Б.Гарднера и М.Р.Гарднер «Южная глубинка». Четыре исследователя (двое негров и двое белых) отправились на 2 года в маленький городок (10 тыс. жителей) на юге США изучать расовые и классовые отношения. Методы использовались те же, что и в исследованиях самого Уорнера. В результате было выявлено, что социальная структура сообщества представляет собой систему социальных отношений, организованных по осям расы и являющихся по своей сути кастовыми. Эта система (при поддержке действовавших тогда законодательных актов) определяла экономические и политические отношения в сообществе, а также семейные и родственные структуры. В ходе исследования были выявлены две касты: белых и черных. Внутри каждой касты были обнаружены шесть слоев, аналогичных слоям Янки-сити: членство в них определялось на основании богатства, образования, происхождения и стиля поведения. Слой определялся как крупная группа людей, имеющих незатрудненный доступ друг к другу. Как и в исследовании «Янки-сити», за основу при выделении слоев были взяты мнения индивидов.

Следовательно, первый принцип позитивизма Уорнер нарушил грубейшим образом. И вот каковы отзывы современников на его работу. К.Белл и Г.Ньюби пишут: «Очевидно, что Уорнер совер-

шенно отступает от того, что прежде называлось “научной объективностью”. Ни одну проблему в социологии нельзя анализировать, взяв за основу мнения людей о ней... Кажется, вместо “научно объективной” модели стратификации он очень скоро принял локальную субъективную модель” [3, р. 283, 285].

Респондент является также и носителем определенной культуры, что обязательно подразумевает невозможность отстраненного и критичного, то есть объективного, ее им описания. Отсюда – оценки, подобные той, что была вынесена Стивеном Тернстормом: “Намерение исследователей Янки-сити избежать этноцентрических предрассудков... привело к некритичному принятию легенд сообщества о нем самом – а это, без сомнения, самый этноцентричный из взглядов” [29, р. 298].

В случае с Янки-сити исследователь обязательно оказывается вовлеченным в поле респондента и заведомо пропитывается его влиянием: сами исследуемые в работе категории – класс и этничность, – определены на основании самоидентификаций респондентов. К примеру, к национальному меньшинству относились жители сообщества, которые считали себя таковым или в качестве такового воспринимались окружающими, а также участвовали в деятельности национальной организации; любого жителя, не отвечавшего этим двум критериям, Уорнер классифицировал как янки.

Не смягчил критику и метод индексации статусных характеристик. Хотя он и был воспринят как более объективный, чем метод участвующего оценивания, критерии расчетов были оценены как сумбурные и псевдо-количественные. Как пишут К.Белл и Г.Ньюби, “[Уорнер] “измерял” не жилье, не работу, не доход, не район проживания, а оценки, выносимые этим сторонам жизни нашим сознанием – оценки, помещенные в сознание нашей культурной традицией и нашим обществом” [3, р. 286]. Крайний пример негативной оценки исследованию Уорнера (в отношении его доверия к мнениям респондентов) вынесли С.Липсет и Бендикс:

вся его заслуга состоит в том, что он “систематизировал городские слухи и сплетни” [15, p. 156].

С точки зрения отстраненности от респондента исследование “Миддлтаун” более отвечает рассматриваемому принципу позитивистской науки и, отчасти в силу этого, подверглось меньшей критике. Исследование городка на Среднем Западе (38 тыс. жителей) было проведено в два этапа: в 1924-25 гг. и в середине 1930-х гг. В центре работы – анализ социальных институтов и социальных изменений. В качестве методов исследования Линды использовали включенное наблюдение, формализованные и неформализованные интервью, анкетирование, анализ документов (переписей населения, газет и др.) и статистических данных. Для возможности сопоставления с работой Уорнера рассмотрим аспект классового/слоевого деления сообщества – центральный в исследовании Янки-сити и, как будет показано ниже, созданный в рабочих целях в Миддлтауне.

Линды рассматривали классовую структуру Миддлтауна как состоящую из двух классов: рабочего и бизнес-класса. Через такую двухклассовую призму была сделана попытка взглянуть на все стороны жизни Миддлтауна. Однако многие выводы о действии различных институтов и изменениях в них делались без учета классового деления. Деление на рабочий и бизнес-класс основывалось на роде занятий индивидов и имело экономическую подоплеку. Члены рабочего класса “зарабатывают себе на жизнь, имея дело преимущественно с *вещами*, используя материальные инструменты для производства продуктов и выполнения услуг”. Члены бизнес-класса “обращены в своих занятиях прежде всего к *людям*: они продают или продвигают на рынке вещи, услуги, идеи” [16, p. 22]

Система стратификации в Миддлтауне видится Линдам просто как функция отношений власти, в которых бизнес-класс занимает позицию господства по отношению к рабочему классу. Господство это измеряется экономической властью: объемом дохо-

дов, расходов, богатства. Распределение жителей Миддлтауна в рабочий или бизнес-класс осуществлялось на основании формализованного интервьюирования и выявления рода занятий главы домохозяйства. Классы, описанные в “Миддлтауне”, являются продуктом аналитической работы авторов исследования, и, тем самым, (что и имеет решающее значение для позитивизма) эти категории отстранены от влияния респондентов – в отличие от классов в Янки-сити, представляющих собой систематизацию суждений респондентов.

2. В позитивистской науке *должны существовать критерии отбора данных* из всей массы собираемого эмпирического материала. С этой целью *впереди* любого исследования – *всегда постановка проблемы*, разработка соответствующих исследовательских задач.

В исследованиях локальных сообществ задача формулируется иначе: разумеется, неоправданно начинать полевое исследование без предварительной гипотезы, однако необязательно формулировать все проблемы заранее, ибо они будут разворачиваться одна из другой по мере течения исследования.

Ни в одной работе не было заявлено исследование просто какого-то сообщества. Ни в одной работе не утверждалось, что не важно, какой город и какие данные о нем собирать; никто не полагал, что, поскольку любой город является частью общей культуры и общества, то и нет нужды выбирать объект, наиболее типичный в том или ином отношении, или сортировать из массы материала данные, характеризующие культуру. Напротив, авторы изначально ставили перед собой определенные цели и выбирали сообщество, которое, с их точки зрения, позволило бы максимально объективно этих целей достичь. Однако при этом не все оказывалось возможным спланировать заранее, и в процессе исследования вставали все новые и новые проблемы – также интересные исследователям.

Наиболее ярко смешанный подход отражает, например, исследование “Плейнвилль, США” Дж. Уэста. Оно было проведено в 1939 г. в крошечном городке на Среднем Западе (всего 275 жителей) и на окрестных фермах. В качестве одного из первоначальных требований к объекту исследования Уэст выдвигал отсутствие классовых делений. Однако в ходе работы оказалось, что сообщество характеризуется системой классовых/слоевых делений чрезвычайной сложности.

Уэст описывает классовую систему Плейнвилля как систему “рангов” или статусов, тесно связанных с определенными моделями поведения. Он пишет: “Схема [деления на классы] была нарисована, а определения к ней отобраны и надписаны после 15-месячного наблюдения того, как сотни жителей Плейнвилля обсуждают, критикуют, высмеивают, ругают и хвалят своих соседей” [40, р. 116]. Жители называют шесть критериев причисления людей к определенному социальному слою: место жительства (на холмах или в прерии); используемые в хозяйстве технологии; происхождение; размер богатства; разделяемые индивидом моральные нормы; стиль жизни. В результате Уэст называет такие классы: элита (“вершки”), средний класс, низший класс. При этом основной водораздел проходит по линии между средним классом и низшим, отделяя жителей прерий (элиту и средний класс) от жителей холмов (низший класс). Дело в том, что место проживания (на холмах или в прерии) обуславливает использование в хозяйстве соответствующих технологий (более продвинутых в прерии и отсталых на холмах), а также определенный стиль жизни, с которым неразрывно связаны моральные нормы, поведение и т.д. Есть и еще одна группа людей, не вошедшая в классификацию: это “люди, живущие подобно зверям”. Эта группа находится под низшим классом, и, видимо, в принятой ныне терминологии может быть названа *underclass*’ом. Такова схема, начерченная Уэстом в результате общения с жителями городка. Сами же плейнвилльцы, если вообще заводят разговор о классах,

то называют два (“богатых” и “бедных”, или “класс бездельников” и “рабочий класс”) или три (“богатых”, “средний класс”, “бедных”). В результате, с одной стороны, автор потратил немало времени на поиски наиболее подходящего для исследования сообщества (не имеющего слоевого деления). С другой стороны, в ходе исследования были выявлены классовые различия, и продолжать анализировать культуру городка, не обращая внимания на социальные слои, не представлялось оправданным.

Другой пример: в исследовании “Янки-сити” первоначальная гипотеза Уорнера предполагала экономическое объяснение человеческого поведения. Однако в ходе исследования стали накапливаться данные, говорящие в пользу других объяснений слоевых различий, а не только экономического.

Подобная “падкость” исследователей на все новые и новые, разворачивающиеся одна из другой проблемы вызывает недоумение критиков и их неверие в возможности исследователей: как можно столь малыми силами успешно объять столь сложное социальное явление. Критика такой позиции достаточно резко сформулирована Робертом Шмидом в его рецензии на работу “Южная глубинка”:

“Кажется несомненным, что исследователи откусили больше, чем могли проглотить. ... Можно только подивиться самоуверенности четырех исследователей, решивших постичь [в высшей степени сложный сегмент культуры] и сделать обобщения, лишь потерявшись два года среди его жителей и собрав обширные полевые заметки. Подобные попытки не лишены смелости, однако в науке, как и на войне, осторожность – лучшая доблесть” [24, р. 263].

3. С точки зрения позитивистской науки, *явление*, которое возможно изучать подлинно научными методами, *должно быть воспроизводимо и не должно зависеть от контекста*: только в этом случае результаты исследования можно сопоставить с результатами других исследований и прийти к более общим выводам.

Исследования локальных сообществ совершенно не удовлетворяют этому требованию. Например, работа “Миддлтаун” является исследованием культуры сообщества, которая, в известной степени, уникальна. Отсюда – высказывания, подобные тем, что М.Стейси приводит как распространенный взгляд на исследования локальных сообществ:

“Исследования представляют собой простое описание; они ближе к искусству, чем науке, они идиосинкратичны и невоспроизводимы; следовательно, они бесполезны для науки, основывающейся на методе сравнения” [27, р. 16].

В качестве возражения можно указать на то, что характер социальных явлений, находящихся в фокусе описываемых исследований, таков, что едва ли явления можно повторить в течение короткого промежутка времени: например, культура, система стратификации (этнической, экономической и прочих), по большому счету, параллельна во времени эпохе конкретной страны и отнюдь не является быстро сменяющимся (и тем более в точности затем повторяющимся) явлением. В силу этого особое внимание следует обратить на четвертый принцип позитивизма – репрезентативность исследования.

4. Четвертый принцип позитивистски объективного исследования – *репрезентативность* – применим в своем прямом значении прежде всего к исследованиям, проведенным в рамках количественной методологии. Выборочная совокупность должна отвечать задачам исследования и, по возможности, содержать все характеристики генеральной совокупности.

Исследования локальных сообществ этого положения не отвергают, однако трактуется оно иначе. В основании исследований – посылка, что один объект избирается, а затем изучается таким образом, что результаты будут справедливы и для других аналогичных объектов. Иными словами, из генеральной совокупности выбирается только один объект. Однако он выбирается настолько тщательно, что, по возможности, содержит все ха-

рактеристики генеральной совокупности. Репрезентативность достигается за счет тщательного выбора объекта. Наиболее красочно эту позицию передает мнение Уорнера, высказанное весьма патетично (а с точки зрения одного критика, “глуповато”): “Джонсвилль живет во всех американцах, и все американцы живут в Джонсвилле, ибо всякий, живущий в Америке, живет в Джонсвилле, а Джонсвилль – в нем... Изучать Джонсвилль – все равно что изучать Америку” [38, р. xv].

Здесь, однако, возникает другое возражение: насколько типичен выбранный единичный объект. Так, немало нареканий вызывает тот факт, что исследования локальных сообществ проведены в очень маленьких городах: а разве вся Америка состоит из маленьких городов? Как же тогда быть с крупными городами, не говоря уже о мегаполисах? Более того, практически все исследования (за исключением Янки-сити, находящегося в Массачусетсе) проведены в захолустьях Юга или Среднего Запада. Не являются ли они, в таком случае, типичными только для этих регионов, по многим характеристикам отличающимся от, скажем, Восточного побережья?

Представляется, что с точки зрения репрезентативности слабость проведенных исследований локальных сообществ в том, что авторы представляли результаты своей работы (выявленную классовую, расовую структуру) как конечные, применимые ко всему обществу (“вся Америка – это Джонсвилль”). Но, наверное, следует попытаться взглянуть на полученные результаты не как на конечный продукт, а как на продукт в своем роде промежуточный.

Таким образом, американские исследователи локальных сообществ нарушили (кто более, а кто менее грубо) все принципы построения позитивистского эмпирического исследования.

Исследования локальных сообществ в контексте субъективизма

Субъективизм стоит на принципиально иных позициях, нежели позитивизм. Как пишут Г.Шварц и Дж.Якобс, “то, что происходит там, – это то, что происходит там по словам акторов” [25, р. 6-7]. Сторонники этого взгляда отводят непрофессионалу роль эксперта, предоставляя ему самому судить о его же мире. И цель здесь преследуется прямо противоположная той, что ищут позитивисты. Вместо того чтобы “открыть” о социальном мире то, чего не знают живущие в нем, субъективисты желают знать то же, что знают акторы, видеть то же, понимать то же. Вместо исследования фактов главной задачей становится исследование смыслов: складывается понимающая социология. Чтобы понять социальное явление, исследователь должен выявить, как актор определяет ситуацию.

Субъективисты исходят из того, что они имеют дело с миром живых людей. Нет единого мира, истинного для всех. Каждый человек, по их мнению, имеет свой жизненный мир, который и является для него истинным. Пытаясь направить человека в группу, созданную в сознании исследователя, пытаясь навязать ему выбор между уже готовыми утверждениями, мы лишаем респондента его жизненного мира и навязываем ему свой.

С таким взглядом на сущность социологического исследования тесно связана и теория, описывающая механизм складывания отношений между субъектом и структурой и объясняющая необходимость “уважительного” отношения исследователя к миру субъекта. Речь идет о теории социального конструктивизма.

Как пишет Пьер Бурдьё, социальная структура “составлена таким образом, что агенты, занимающие схожие или соседствующие позиции, оказываются в схожих условиях” [5, р. 17], а последние, в свою очередь, с большой вероятностью обуславливают то, что агенты приобретают схожие диспозиции, интересы и

привычки. Другими словами, взаимодействие между социальной структурой и субъектом можно сформулировать следующим образом: субъект (агент) формирует структуру, а та, в свою очередь, определяет дальнейшие действия субъекта.

По подобной схеме существуют и классы – в том виде, в каком они обращены к индивидам (ибо под рыночными классами (в терминологии К.Маркса и М.Вебера) понимаются группы людей, выявленные на основаниях более материальных, чем просто их субъективные ощущения). В том же виде, в каком они представляются составляющим их индивидам и определяют действия последних, они образуются именно по схеме субъект – структура – субъект.

Субъективные представления материализуются в поведение и формы социальных отношений, которые, приобретая повторяющийся, устойчивый характер, становятся социальной структурой. При таком повороте острая критика субъективизма оказывается несколько поверхностной, ибо в социальном мире объективные отношения социальной структуры проявляются лишь как субъективные отношения людей. Попытки сразу отбросить субъективистскую форму неизбежно ведут к искажению и содержания (например, в форме навязывания социологом своего видения мира респонденту).

На эмпирическом уровне в основе субъективизма лежат четыре положения, альтернативные позитивистским:

1. Погружение в мир информанта в качестве оправдания активной роли респондента и его влияния на исследователя: мы – часть изучаемого мира, и нам не избежать отношений с теми, кого мы изучаем [по 1, с. 161].

С этих позиций, локальное сообщество – адекватный объект для анализа сложных социальных явлений и процессов в естественных для них условиях. Субъективность описаний, тесный контакт с респондентом, участие в жизни сообщества из недо-

статков метода превращаются в его достоинства, ибо позволяют проникнуть в мир респондента и взглянуть на рассматриваемые явления его глазами.

Здесь, однако, сразу встает вопрос о том, как разрешить конфликт между исследователем и респондентом: так, Арон Сикурель подчеркивает принципиальное различие между положением интервьюера и респондента [6]. Респондент, знающий всю свою биографию, все “входы” и “выходы” своего социального мира, частью которого он является, имеет свои собственные “представления” о нем и практические цели ко времени интервью, а также представляет себе, что именно рассказать интервьюеру, у него есть и оценка значимости и точности сказанного. У интервьюера нет такого этнографического контекста, и он вынужден заниматься интерпретацией, не располагая точными значениями смыслов. Из этой посылки сразу становится понятной необходимость, придаваемая субъективистами смыслам и их расшифровке.

Примером исследования, выполненного в таком ключе, является “Каста и класс в южном городе” Джона Долларда [9]. Сама направленность исследования непременно предполагает погруженность в смыслы индивидов-респондентов: в центре исследования – психологическое восприятие индивидами социальной структуры, а цель исследования – выявить и описать эмоциональное восприятие формальной социальной структуры. В работе рассматривается также, как оценка индивидом своего положения (оценка того, счастлив он или нет) соотносится с его классовой позицией.

Работа “Янки-сити”, с ее тщательно проработанной системой смыслов при описании классовой структуры сообщества, также является примером применения методики расшифровки смыслов в субъективистском ключе.

2. Надежность данных основывается не на широте охвата (множество одномоментных интервью), а на глубине наблюдения: если сущность социального явления не позволяет стандарти-

зировать ответы, то лучше расшифровать смысл речи и действий индивида; основное внимание уделяется деконструированию смыслов. Результат достигается путем многоразового интервьюирования одного и того же индивида, то есть путем протяжения наблюдения во времени и пространстве [1, с. 162].

С учетом такого подхода, локальное сообщество оказывается чрезвычайно удобным полем для расшифровки системы символов сообщества. Естественное общение исследователя с респондентами неизбежно выльется в многоразовое интервьюирование, а наблюдение станет протяженным во времени и пространстве. Отвечая на возражение, что каждый конкретный смысл ограничен своей локальностью, можно сказать, что конечная цель исследований – не остановиться на расшифровке частного смысла, а через него выйти на более абстрактный уровень, что позволит отойти от локальной частности.

3. Историчность исследования: в силу сложности изучаемых процессов, явлений и институтов следует изучить все поле отношений, их окружающих [1, с. 165].

В этом смысле особого внимания заслуживает предмет исследований локальных сообществ – различные аспекты жизни людей: религия, семья, воспитание детей, система стратификации, расовые и этнические отношения. Ни одну сторону жизни нельзя вырвать из ее исторического контекста и в точности воспроизвести на новой почве. Поэтому представляется более оправданным анализировать их в собственном уникальном контексте и не гнаться за независимой повторяемостью формы, когда содержание этого не позволяет.

4. Обращение к старым теориям: поскольку специфика единичной социальной ситуации не позволяет обеспечить репрезентативность “мягкого” исследования и сделать обобщения, следует отказаться от построения новой теории путем индукции из фактов, полученных только в ходе исследования; вместо этого

уместно реконструировать старые теории и обратиться к жизненному опыту [1, с. 170]. Предлагается совершенно иное обращение с теорией: не построение новой теории из только что полученных в исследовании данных, а соотнесение полученных данных с уже существующими теориями. Теории проверяются данными; из выбранных теорий остаются наиболее подходящие; они модифицируются данными.

Исследования локальных сообществ в значительной мере отвечают принципам исследования, выполненного с позиций субъективизма. Так, методика обнаружения классов, используемая Уорнером, выявляет субъективный механизм складывания схемы: субъект – структура – субъект. В своей жизни в конкретном сообществе индивид руководствуется определенным набором символов, характеризующих его взаимоотношения с окружающими. Его взаимодействие с ними строится не на основании неких объективных факторов (которые, по всей вероятности, лежат в основе этих взаимоотношений). Как субъекту, ему в его жизни видны лишь близкие ему, частные символы. Они могут совершенно не соответствовать объективной реальности (если понимать объективность как независимость, как свободу от обусловленности реальности его личностью).

Такие факторы классового деления, как доход, характер занятости и выполняемой работы не зависят от оценки их индивидом. Эти факторы объективны. Однако если данные исследования говорят о том, что – в глазах сообщества – обладание богатством не помещает индивида автоматически в высший класс, то правомерно ли относить его к высшему классу на основании объективных характеристик?

Субъективные системы символов, принятые в том или ином сообществе, усваиваются в процессе социализации. Тогда же они становятся для индивида объективной реальностью. Метод исследования локальных сообществ, следуя принципу контексту-

альности исследования, выявляет сложные переплетения различных факторов, протяженных во времени.

Уорнер, Уэст, Доллард и др. получили картину иерархически расположенных групп (пусть не классов в принятом смысле понятия), *значимых* для респондентов. Они выявили механизмы формирования этих групп, их характеристики, их сущностные различия. Они показали социальную структуру сообщества глазами его жителей. Эта модель может отличаться от реальной. Более того, она может иметь перекосы в сторону той группы, чьи слова исследователи сочли наиболее отвечающими действительности. Это, однако, не дает оснований отбросить эту модель как бесполезную. Идеальные представления индивидов о себе также значимы для науки. Как известно, зачастую (если не всегда) в своем поведении человек руководствуется не собой реальным, а своим представлением о себе.¹ И Уорнер, в частности, в значительной мере понимал это – как и отдавал себе отчет в недостатках своего научного подхода.

Сказанное позволяет заключить, что исследования локальных сообществ вполне отвечают принципам субъективизма. Методологические позиции субъективистов и имплицитные, теоретически не сформулированные позиции авторов исследований практически совпадают. Думается, что решающую роль сыграл тот факт, что проблемы, поднятые в исследованиях локальных сообществ, оптимальным (если не единственно возможным) образом разрешаются именно через субъективистскую методологию. Будь эти исследования выполнены при субъективизме как господствующей парадигме, они мягко вписались бы во все принципы субъективной науки.

¹ “Расхождение между тем, что люди говорят, и тем, что есть на самом деле, может отражать различие между идеальными моделями и реальными: во всех культурах, сколь бы однородными и едиными они ни были, имеется расхождение между идеальным миром и реальным” [4, p. 680].

Исследования локальных сообществ через призму постмодернистской методологии

Описанная выше субъективистская – обоснованная в пике позитивистской – научная этнография существовала в 1950-60-е гг., однако к 1970-м гг. идеи постмодернизма начали проникать из сферы философии, литературы и в социологию. В своей известной работе “Постмодернистское состояние” Ж.-Ф.Лиотар [18] указывает на значимость постмодернистских подходов при оценке современного состояния знания. Он ставит под вопрос все “надежные” теоретические основы, использовавшиеся до сих пор для легитимации науки. Лиотар утверждает, что вместо “построения теоретической модели средствами собственного языка и следуя путями уже заданных правил, исследователю предстоит изучить социальный мир в его фрагментарном состоянии, изучить каждый объект самостоятельно и в связи с другими” [10, р. 296]. Думается, что эту задачу можно попытаться разрешить на уровне локального сообщества.

Новых элементов в постмодернистских исследованиях, грубо говоря, три. Первый элемент – это новая трактовка “понимания”. Этнографы-постмодернисты, хотя и не могут полностью устранить проблемы, связанные с получением данных через привилегированное *verstehen* этнографа, минимизируют их, настаивая на диалоге между исследователем и информантами. Здесь мы видим продолжение субъективистской тенденции: активная роль респондента (когда исследователь, соответственно, как можно пассивнее ему внимает) приводит к диалогу равноправных собеседников.

Второй элемент – это подчеркнутое внимание к способу и стилю изложения результатов исследования. Постмодернисты все более склоняются к тому, что их задача – сказать как можно больше правды, причем они никогда не сумеют сказать всей правды.

Третий элемент выражает позиция, согласно которой нет данных об обществе, которые были бы слишком глубоко скрыты от исследователей и не доступны им.

Подобный подход к этнографии вообще и к исследованиям локальных сообществ как ее частному ответвлению встречает немало нареканий. Так, Питер Маннинг и Клиффорд Гиртц [11; 19] считают, что все эти перечисленные “новшества” непродуктивны, ибо приводят исследователей к “повышенному осознанию” своей роли: они застыли в своей позиции, не будучи в состоянии сдвинуться и заняться конкретными полевыми исследованиями.

В целом, основная черта постмодернистской теории – повышенная рефлексивность. В своем крайнем проявлении эта позиция была сформулирована Эрнестом Геллнером: “Социально-антропологическое исследование из исследования общества опускается до исследования реакции антрополога на его собственные реакции на его же наблюдения общества, причем предполагается, что он так и не заметил ничего настоящего” [12, р. 23].

С позиций постмодернизма перед исследователями локальных сообществ встанут совершенно другие ограничения, нежели те, что были выдвинуты позитивистами и субъективистами.

Так, постмодернизм ставит под сомнение основные принципы изложения результатов такого рода исследований, утверждая, что:

- изложение результатов этнографического исследования – это самостоятельная задача, отличная от *ведения* собственно исследования [20]. Гиртц [11] и Ван Манен [30] придают огромное значение роли автора и признают такие средства, как метафора, субъективное описание и обращение к “пониманию” автора, как если бы это была точка зрения “туземца”. Необходимо оговориться, что здесь есть и другая точка зрения: по словам В.Крапанзано, “слишком часто этнограф забывает о туземце; нам не нужна ни метафора, ни субъективные полеты воображения, ни перо – реальность требует

стилистической ясности” [7]. Таким образом, для ряда постмодернистов достоверность исследования означает сведение к минимуму присутствия автора, и в этом смысле они едины с позитивистами. Другой вопрос: каким образом роль исследователя сводится к минимуму. И решение здесь предлагается совершенно иное, нежели в позитивизме;

- нет единого языка или стиля, общего для всех; всякий язык или стиль эффективен по-своему [23]. Здесь - четкий контраст с принципами позитивного исследования.
- исследование локального сообщества должно основываться не на понимании ситуации исследователем (что ставит его в привилегированную позицию по отношению к респонденту); позиция исследователя должна занимать промежуточное место между исследователем и информантом, ибо в этом случае все участники диалога являются частью единого целого – процесса исследования [20].

Итак, чем же должно характеризоваться исследование локального сообщества, проведенное с позиций идеального постмодернизма? Продолжительность ли это пребывания исследователей в поле? Число ли это проинтервьюированных жителей? Игрет ли роль то, для кого выполняется исследование: для ученых, для широкой публики? Должны ли исследователи быть как можно ближе к собираемому материалу (то есть, в данном случае, к информантам) и беспрестанно цитировать респондентов? Или же они должны обратиться к искусству писания и использовать метафору – а в итоге нарисовать максимально яркую картину?

Постмодернизм не дает однозначного ответа на эти вопросы. Можно лишь сказать, что постмодернизм дает свободу: главное – достаточная степень рефлексивности. По словам Ван Манена, локальное сообщество и этнография в целом – это “способ представления”. В своих исследованиях авторы выбирают реалистичные, откровенные или импрессионистские истории; при этом все три типа часто используются в одной и той же работе.

В работе Уорнера “классы” выявлены в результате впечатлений (“импрессий”) автора от рассказов респондентов, которые не лишены откровенности (как известно, только откровенность респондента помогает написать реальную картину) и, разумеется, реализма: речь идет о процессах, реально протекающих в сообществе, и даже символы (хотя и не существующие в материальной природе) оказывают реальное воздействие на тех, кто их разделяет.

Наиболее значимым моментом расхождений между позитивистами, субъективистами и постмодернистами оказалось разрешение проблемы того, “что же делать с исследователем”. В случае воображаемой дискуссии исследователей локальных сообществ (субъективистов) с позитивистами, первые оправдывали свой тесный контакт с респондентом проистекающей из такого рода общения нейтральностью и объективностью результатов: это попытка увидеть человека таким, каким он сам видит себя. Иными словами, авторы исследований локальных сообществ стремились сделать контакт с информантом обоюдным, ибо это, по их предположению, сводит на нет роль исследователя и делает его влияние незаметным.

Однако и с этих позиций есть основания для критики исследований локальных сообществ – возникло постмодернистское “но”: оказалось, что, несмотря на утверждение о своей “незаметной” роли, исследователь остается доминирующим. Разрешить эту дилемму постмодернисты предлагают, позволив читателю “заметить” автора, то есть авторам исследований в их же интересах, предлагается признать, что и они сами в какой-то степени повлияли на ход и результаты исследования. Достигается это не “исчезновением” этнографа, а, напротив, приданием его роли “публичности”. На уровне методики это означает, что на смену “тексту” (написанному исследователем) приходит “диалог” (между исследователем и респондентом, являющийся их совместным

творением). Сам исследователь тоже становится частью собираемых данных. Узнавая другого, он узнает и себя.

Постмодернистская этнография, если не учитывать всех нюансов, предлагает два направления такого рода исследований. Представляется, что и то и другое может быть выполнено либо как фрагментарный метод в рамках изучения узкой проблемы, либо же как полноценное исследование локального сообщества.

Первое направление - это постмодернистские полевые исследования, подчеркивающие проблематичный статус исследователя как субъективного автора этнографических записок. Между исследователем и респондентом происходит обмен информацией. Задача исследователя – представить не один-единственный голос (традиционно – исследователя), а многоголосье. При этом автор пытается вовлечь читателя в процесс интерпретации, не столько отвечая на вопросы, сколько задавая их. Здесь ставится под сомнение роль автора. Исследование основывается на “нарративном диалоге”, что сводит к минимуму влияние автора и делает более рельефными точки зрения респондентов.

С этих позиций интересно взглянуть на американские исследования локальных сообществ: вот где оправдание вовлеченности исследователя в работу в качестве активного лица. В исследованиях локальных сообществ приводятся многие и многие страницы текстов, представляющих собой либо диалог исследователя с респондентом, либо просто собственные, “неадаптированные” высказывания респондентов.

Второе направление - это работы, ставящие под сомнение объект традиционных исследований и расширяющие понятие “повседневная жизнь” до фильмов, телевидения, художественной литературы, снов и других типов данных, обычно не включаемых в традиционные этнографические исследования. Поскольку повседневная жизнь – это такой же текст, подлежащий анализу, как и другие тексты, то объект этнографического исследования можно расширить до множества текстов. В антропологии такая точ-

ка зрения привела к вовлечению в исследование стихов, фильмов и художественной литературы. В социологии переход к новым этнографическим парадигмам произошел под влиянием культурного постмодернизма (Барт, Бодрийар).

Так, Бодрийар отмечает, что к современным обществам потребления уже не приложима традиционная однолинейная связь между объектами и их символическими представлениями (или между обозначаемыми и обозначающими): представления объектов сами стали объектами и утратили связь с тем, что они первоначально обозначали. Здесь – обоснование подхода Уорнера к системе символов Янки-сити как самостоятельной реальности.

С точки зрения Бодрийара, эта пропитанная потребительством, массовой культурой сущность современных обществ является новой формой реальности – гиперреальностью. В постмодернистском обществе гиперреальность становится неотъемлемой частью повседневной жизни и, следовательно, попадает в центр многотекстовых этнографических исследований. Такое понимание выносит объект этнографического исследования далеко за пределы мира, в котором мы едим, спим и взаимодействуем, он охватывает средства массовой информации, сны, поэзию и другие представления. Здесь исследования локальных сообществ оказываются неадекватными поставленным задачам: они представляют чрезвычайно тесное поле для изучения гиперреальности.

В своем крайнем проявлении постмодернистская этнография становится изложением случайных символов – в стиле потока сознания, безо всякой попытки систематизации данных. Появление такого экспериментального жанра этнографий, быть может, свидетельствует о недостаточной вере в возможность дальнейшего развития традиционного жанра.

С этих позиций сбор материала о локальном сообществе, отвечающего не только конкретным задачам исследования, но и собираемого “на всякий случай”, оказывается оправданным. Если культура сообщества – это не только официальные институты типа

церкви или школы, то самый верный способ описать ее и понять предложены в названии одной из глав работы Линдов: “От колыбели до могилы”.

Итак, основная черта потенциального постмодернистского исследования локального сообщества – рефлексивность. Имея массу негативных моментов, повышенная тяга к рефлексии, тем не менее, сыграла и свою положительную роль: больше нет одной господствующей парадигмы или единого способа этнографии. А, как известно, плюрализм, по природе своей, значительно расширяет поле критики. Попытаемся выполнить критический анализ исследований локальных сообществ с позиций постмодернизма на примере «Янки-сити».

Среди проблем, с которыми сталкивается социолог, решивший изучить собственную культуру, Уорнер называет проблему этноцентризма исследователя: “Раз он естественный продукт собственной культуры, раз он подчиняется ее контролю и давлению, то может ли он проводить свое исследование объективно?” [37, с. 277]. “Нарративный диалог” поможет снять проблему этноцентризма как исследователя, так и респондента.

В своих исследованиях Уорнер (а за ним и другие авторы) имплицитно связывает две плоскости человеческого существования: материю и сознание. Он пишет: “В основание исследований малых городов нашего общества положены три элемента: (1) технологии, умения и орудия, обеспечивающие приспособление человека к природе; (2) правила, состоящие из значимых слов и действий; (3) религия и символы, связывающие человека со священным” [37, р. 281]. Первый пункт лежит в сфере материи, второй и третий относятся к сознанию. В исследованиях выводится связь между этими двумя плоскостями. Так, классовый анализ выполнен как исследование материальных различий, преломленных сознанием индивидов: на экономические различия накладывается система символов сообщества, иными словами, - гипер-

реальность. При этом символы – будучи “гиперэлементами”, обособившимися от обозначающего, – выполняют функцию уже затвердевшей структуры, направляющей действия индивидов: “В широком смысле, все человеческое общество, выходящее за рамки видового поведения, построено на символах. Символ – это все, что угодно, что имеет смысл и значимость для человеческого разума. Человеческое общество построено на символических процессах в том смысле, что то, чем мы являемся для себя, другие для нас, а мы для них, во внешнем проявлении состоит из слов и действий, которые в своем внутреннем существовании являются оценочными суждениями. Иными словами, социальные отношения и вся социальная организация любого человеческого общества состоят из оценочных суждений и их применения к человеческому поведению в ситуации взаимодействия индивидов в контексте их конкретных взаимоотношений” [37, р. 279-280].

В рамках постмодернизма представляется затруднительным дать однозначную оценку исследованиям локальных сообществ: с одной стороны, роль исследователя “публична”, но недостаточно; с другой – локальное сообщество является прекрасным полем для изучения гиперреальности в миниатюре. Другой вопрос – насколько подобная миниатюра имеет смысл в условиях глобализации и растворения локального в глобалистских сетях.

Исследования локальных сообществ и теория глобализации

Если рассматривать мир, с одной стороны, на уровне индивида и, с другой, – на уровне социальной организации (любого рода и масштаба), то на уровне индивида современность характеризуется постмодернистским сознанием, а на уровне социальной организации мы выходим на проблему глобального и локального. Гиперреальность Бодрийара существует на уровне сознания индивида. Глобализация определяет его пути и способы действия в

социетальных структурах. Говоря словами Мануэля Кастеллса, в нынешнем мире пространство потоков (информации, технологий, капитала и т.д.) постепенно вытесняет пространство мест.

Имеет ли смысл исследование локального сообщества, являющегося частью пространства мест, в условиях глобализации? Насколько такое исследование окажется в состоянии дать реальную и полную картину жизни сообщества?

На первый взгляд кажется, что порцию критики по этому пункту исследования локальных сообществ получили еще от современников. Последние не раз сомневались в полезности проведенных исследований, ибо малый город, по их мнению, в своем функционировании в той или иной сфере обязательно выходит за свои географические границы. В качестве примеров приводили банковскую систему, систему производства, культуру как общенациональную реальность и т.д. Однако то была критика совершенно иного рода. То была критика, возможная в пространстве мест: отдельное “место”-сообщество обязательно связано с другими “местами”.

В мире глобальных потоков все иначе. Уровень развития и способы взаимодействия индивидов в некоей географической точке определяются не физической близостью последней к столице, а ее близостью к пространству потоков. Жизни без киберпотоков просто не существует. То, что мы видим в современном локальном сообществе, – это лишь видимость географически ограниченного взаимодействия. На самом деле все связи осуществляются на уровне пространства потоков. Разумеется, есть связи и локального масштаба, но они не являются принципиальными для жизни сообщества.

Однако же, как пишет Э.Гидденс, глобализация имеет и оборотную сторону: она не только соединяет далекие друг от друга точки и способствует их трансформации посредством “интенсификации социальных отношений в масштабе всего мира”, но и усиливает “тенденцию к локальной автономии и региональной

культурной идентичности” [13, р. 64-65]. С этой точки зрения, исследование на уровне локального сообщества отнюдь не лишено смысла и в условиях глобализации.

Выводы

Думается, что основной путь, который прошли исследования локальных сообществ от времен позитивизма до постмодернизма, сводится прежде всего к перипетиям роли исследователя: в позитивизме он заметен при незаметном респонденте; в субъективизме он незаметен на фоне активного респондента; в постмодернизме (в условиях плюрализма) роль исследователя “публична”, как и роль респондента, при этом отношения между ними нарративно-демократичные – в отличие от доминирующего исследователя-позитивиста.

Можно утверждать, что американские исследования локальных сообществ первоначально были встречены достаточно не приветливо: они, в основной своей массе, грубо нарушали основные принципы построения господствовавшей тогда позитивистской науки. С научных позиций, возникших позднее (субъективизма, постмодернизма), исследования локальных сообществ не только имеют право на существование в рядах науки, а не искусства, но и имеют определенные преимущества.

Представляется, что с учетом появления новых парадигм исследования, альтернативных позитивистской, можно отвести основной теоретический упрек позитивистов исследователям локальных сообществ: исследования, с их точки зрения, были проведены без теоретического фундамента. Теория *была*, но исследователи не обладали ни категориальным, ни методическим аппаратом для ее операционализации. Субъективизм, а затем и постмодернизм помогают разрешить эту проблему.

Существенное ограничение исследований локальных сообществ, которого не снимают и современные трактовки строгой

научности, состоит в том, что методы исследования обязательно предполагают, что жители сообщества более или менее тесно знакомы друг с другом и могут – например, при изучении классовой структуры – дать относительную оценку положению соседа. Такая методика совершенно неприменима в крупных городах. Однако представляется, что эта ситуация не безвыходна.

Слабость проведенных исследований локальных сообществ в том, что авторы представляли результаты своей работы (выявленную классовую, расовую структуру) как конечные, применимые ко всему обществу. Но, наверное, имеет смысл попытаться взглянуть на полученные результаты не как на конечный продукт, а как на продукт в своем роде промежуточный. Иными словами, исследования локальных сообществ – это метод, позволяющий выявить нюансы отношений (в том числе, относящихся и к “гиперреальности”), скрытых от массовых опросов и аналогичных крупномасштабным подходам, с тем, чтобы впоследствии использовать их результаты в качестве гипотез, которые еще только предстоит операционализировать.

Ограничение исследований в рамках локальных сообществ в современных условиях состоит в постмодернистской посылке, что локальное растворилось в кибернетическом глобальном. Думается, однако, что этот тезис пока применим все-таки далеко не для всех точек земного шара, и зарождающиеся элементы гиперреальности вполне можно изучать на локальном уровне.

Суммируя сказанное, сделаем следующие выводы:

(а) в случае с исследованиями локальных сообществ и их критикой произошло (по крайней мере, такой вывод можно отнести к значительной части критических работ) разделение не только на оценивающих и оцениваемых; размежевание ролей затронуло и научные позиции: *vis-a-vis* очутились субъективисты и позитивисты. Точнее сказать, позиции позитивистов были строго сформулированы, а позиции субъективистов на момент проведения исследований еще не оформились. С появлением постмодернис-

тов картина изменилась не в корне, но значительно: возникли новые поводы для критики и новые способы их устранения. Быть может, это можно сформулировать так: позитивистская критика – это критика “чужих”, постмодернистская – это критика “своих”;

(б) представляется, что результаты исследований локальных сообществ опередили своих авторов. Они очутились впереди современной им социологической теории, обогнав и исследователей, и критиков. Поэтому исследователи, ориентировавшиеся на “жесткую” науку, и не могли адекватно защитить свои исследования от позитивистских упреков: для этого им требовалась новая, еще не сложившаяся парадигма. При этом парадигмы, описанные в данной работе, вероятно, не исчерпывают всех возможностей высказать одобрение или неодобрение по поводу исследований локальных сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буравой М. Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом// Альманах социальных исследований “Рубеж”, 1997. №10-11. С. 154-176.
2. Arensberg C.M., Kimball S.T. Community study: Retrospect and prospect// The Sociology of Community: A Selection of Readings. L.: William Clowes and Sons, Ltd., 1974. P. 335-355.
3. Bell C., Newby H. Community Studies. London: George Allen and Unwin Ltd., 1971.
4. Bennett J.W. The study of cultures: A survey technique and methodology in field work// American Sociological Review, 1948. Vol. 13. №6. P. 672-689.
5. Bourdieu P. Social space and symbolic power// Sociological Theory, 1989. Vol. 7. №1. P. 14-25.
6. Cicourel A. The Acquisition of Social Structure toward a Developmental Sociology of Language and Meaning// Understanding Everyday Life: Toward the Reconstruction of Social Knowledge. Chicago: Aldine. P. 136-168.
7. Crapanzano V. “Hermes” Dilemma: The Masking of Subversion in Ethnographic Description// Writing culture: The Poetics and Politics of Ethnography. Berkeley: University of California Press, 1986. P. 51-76.

8. *Davis A., Gardner B., Gardner M.* Deep South: A Social Anthropological Study of Caste and Class. Chicago:Chicago University Press, 1946.
9. *Dollard J.* Caste and Class in a Southern Town. New Haven: Yale University Press, 1937.
10. *Fontana A.* Ethnographic trends in the Postmodern Era//Postmodernism and Social Inquiry. Washington:University of Columbia Press, 1994. P. 203-223.
11. *Geertz C.* Works and Lives: The Anthropologist as an Author. Stanford, CA:Stanford University Press, 1988.
12. *Gellner E.* Postmodernism, Reason and Religion. London:Routledge, 1992.
13. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge:Polity Press, 1990.
14. *Hillery G.A. Jr.* Definitions of Community: Areas of Agreement//Rural Sociology, 1955. Vol.20. №2.
15. *Lipset S.M., Bendix R.* Social status and social structure: A Reexamination of the data and the interpretations//British Journal of Sociology, 1951. №1. P. 156.
16. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown: A Study in Contemporary American Culture. N.Y.:Harcourt, Brace and World, 1929.
17. *Lynd R.S., Lynd H.M.* Middletown in Transition: A Study in Cultural Conflicts. N.Y.:Harcourt, Brace and World, 1937.
18. *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris:Les Editions de Minuit, 1979.
19. *Manning P.* Strands in the Postmodernism Rope: Oxymorons in the Desert// Paper presented at the Society for the Study of Symbolic Interaction Action Meetings, San Francisco, 21-24 August, 1989.
20. *Marcus G.E., Fischer M.J.* Anthropology as Cultural Critique: An Experimental Moment in the Human Sciences. Chicago:University of Chicago Press, 1986.
21. *Mills W.C.* [review] The Social Life of a Modern Community//American Sociological Review, 1942. Vol.7. №2. P. 263-271.
22. *Pfautz H.W., Duncan O.D.* A critical evaluation of Warner's work in community stratification//American Sociological Review, 1950. Vol.15. №2. P. 205-215.
23. *Rorty R.* Consequences of Pragmatism: Essays, 1972-1980. Minneapolis:University of Minnesota Press, 1982.
24. *Schmid R.* [review] Deep South by A.Davis, B.Gardner and M.Gardner// American Sociological Review, 1942. Vol.7. №2. P. 261-263.
25. *Schwartz H., Jakobs J.* Qualitative Sociology: A Method to the Madness. N.Y.:The Free Press, 1979.
26. *Sociology of Community: A Selection of Readings/* Ed. by C.Bell, H.Newby. L.:William Clowes and Sons, Ltd., 1974.

27. *Stacey M.* The myth of community studies//Sociology of community: A selection of readings. L.:William Clowes & Sons, Ltd. 1974.
28. *Swanson G.E.* [review] Social Class in America: A Manual of Procedure for the Measurement of Social Status//American Sociological Review, 1949. Vol.14. №6. P. 823.
29. *Thernstorm S.* "Yankee City" Revisited: The Perils of Historical Naivete// Sociology of community: A selection of readings. L.:William Clowes & Sons, Ltd. 1974. P 293-306.
30. *Van Maanen H.* Tales of the Field: On Writing Ethnography. Chicago:Univerisity of Chicago Press, 1988.
31. *Warner L., Lunt P.S.* The Social Life of a Modern Community. New Haven:Yale University Press, 1941.
32. *Warner L., Lunt P.S.* The Status System of a Modern Community. New Haven:Yale University Press, 1942.
33. *Warner L., Srole L.* The Social Systems of American Ethnic Groups. New Haven:Yale University Press, 1945.
34. *Warner L., Low J.O.* The Social System of the Modern Factory. The Strike: A Social Analysis. New Haven:Yale University Press, 1947.
35. *Warner L. et al.* Democracy in Jonesville. N.Y.:Harper & Row Publishers, 1949.
36. *Warner L.* The Living and the Dead: A Study of the Symbolic Life of Americans. New Haven:Yale University Press, 1959.
37. *Warner L.* The modern community as a laboratory//Sociology of community: A selection of readings. L.:William Clowes & Sons, Ltd. 1974. P. 273-281.
38. *Warner L., Meeker M., Eels K.* Social Class in America: A Manual for Procedure for the Measurement of Social Class. Chicago:Science Research Associates, 1949.
39. *Warren R.L.* The Community in America. Chicago:Chicago University Press, 1978.
40. *West J.* Plainville, USA. N.Y.:Columbia University Press, 1948.
41. Writing culture: The Poetics and Politics of Ethnography/Ed. by J.Clifford, G.E.Marcus. Berkeley:University of California Press, 1986.